

Римма Чучилина

Миллион, миллион разных роз

С утра в голове, на языке крутятся: «...роза, берёза, мак, василёк...» Исправляю себя: «роза, мимоза, мак, василёк...»

Почему «берёза»? Конечно, это наше дерево, символ России. Но в стихке-то о *цветах*, и логичнее всё-таки — «мимоза». Мы в нашем сибирском деревенском детстве про мимозу и понятия не имели, потому, наверное, в считалке этой правомерно значилась знакомая «берёза».

«Роза, мимоза, мак, василёк...» — не выходит из головы.

«Нужно купить розу... А лучше букет роз...»

Роза и Лиля

Роза и Лиля вернулись из Сибири. Роза — смуглая, черноволосая и черноглазая. Лиля — светленькая, русоволосая, с голубыми глазами. Подруги. Вдвоём они смотрелись как две противоположности: чёрное и белое, «да» и «нет», «хорошо» и «плохо», два полюса магнита и т. д. и т. п.

Роза — серьёзная, сосредоточенная, немногословная. Хохотушка Лиля порой подшучивала над ней: «Дорогая Роза, я тебя люблю, протяни колючку острую свою...» Сердилась Роза или нет — неизвестно, по реакции, по крайней мере, заметно не было.

Девушки с именами цветов. Из Красноярска, где пытались поступать в институт цветных металлов, они привезли «невероятные» сибирские впечатления. И рассказывали: «Все дома в городе чёрные. Наверное, от постоянных дождей, — предполагали девчонки. — Посередине города протекает какая-то речка». Когда девчонки узнали, что я из Красноярска, их суждения о городе стали не столь категоричны и пугающи.

«Енисей, между прочим, великая сибирская река, — заступалась я за свою родную реку, свою родную Сибирь. — Говорят ведь: Волга — матушка, а Енисей — батюшка. Так-то!»

Там, в знойном Узбекистане, Сибирь считали холодным, необжитым краем. Взрослые мужчины надо мной, девчонкой-практиканткой, подшучивали, что я из диких таёжных мест, где по улицам до сих пор бродят медведи и ездят на оленях. Я не опровергала их заблуждений и, посмеиваясь, поддакивала: «Да, у нас по улицам не троллейбусы

ходят, а возят людей олени: зацепляются рогами за провода и несутся по городу! И медведи спокойно разгуливают, никого не трогая».

Верить моим выдумкам простительно было бы иностранцам — венграм, кубинцам, афганцам, встречавшимся в нашем общежитии, но не россиянам, хотя и из разных краёв необъятной Родины. Общежитие, а «по-научному» — Дом молодых специалистов, населяли представители уж если не всей, то значительной части многонациональной, разноязычной семьи народов Страны Советов. Точно как в песне: «Я, ты, он, она, вместе — целая страна, вместе — дружная семья... большеглазых, озорных, чёрных, рыжих и льняных, грустных и весёлых...»

Озорства, веселья хватало. Молодым специалистам, окончившим вузы и техникумы, стоящим на пороге самостоятельной жизни, верящим в свою счастливую судьбу, как не веселиться! Из окон несутся песни и речи на разных языках. А между собой разговаривают на общем межнациональном — русском!

— Казбэк, в кино идом? — кричит с улицы черноглазый посланец Кавказа.

— Э-э, а какая филма, Элбрус? — интересуется его друг.

— «Ок роял!» — на свой лад интерпретирует название музыкального кинофильма «Белый рояль» приглашающий.

Участники самодеятельного театра, среди которых и обитатели Дома молодых специалистов, никак не могут распротиться, после удачной премьеры шумно обсуждают и вспоминают своё выступление. Спорят, повторяют занятные диалоги, мизансцены прямо на крыльце общежития. Темпераментно, страстно звучат реплики и монологи. А наутро жильцы делятся новостями:

— Артисты вчера концерт давали перед общежитием... Слышали?..

Девчонка-иркутяночка в пёстром брючном костюмчике играет в бадминтон с парнем из Афганистана. Уже стемнело, едва просматривается волан, а они всё продолжают и продолжают лупить по нему ракетками, и смеются, промахиваясь, и спорят, уступая друг другу право очередной подачи.

Молодой специалист-практикант из Венгрии галантно помогает молодой хохлушке застегнуть на руке часики. Они доверчиво улыбаются друг другу.

Представительницы Карелии, получив посылку из дома, готовят на кухне салат с жирным палтусом. Рыба источает аромат, ладошки девушек перепачканы рыбьим жиром, но им весело и радостно.

В жаркую погоду очень хочется пить, и подруги из уральского Краснотурьинска готовят компот из яблок и вишни. То-то вкусный и витаминный напиток!

А сибирячка с Енисея дразнит население общежития соблазнительным ароматом пареной айвы. Даже плотно прикрытая крышка кастрюльки не способна удержать чудо-запах. И любопытные заглядывают на кухню:

— Ой, как вкусно пахнет! А попробовать можно?
— Конечно. Вот сварится—и приходите. Угощу...— приглашает щедрая хозяйка.

Коллега Галины, моей соседки по комнате, Людмила, немка по национальности, вышла замуж за красивого статного татарина Раиса. Приходит к нам и жалуется:

— Я учу ребёнка говорить по-немецки, а Раис, вредина,—по-татарски.

— А между собой на каком языке общаетесь?— спрашивает Галина.

— На русском.

— А малыш кого лучше понимает, тебя или Раиса?

— ...

Вот такая интернациональная семья!

В общежитие ко мне регулярно навещается коллега по цеху Роза для... И я с удовольствием сооружаю ей замысловатые причёски из длинных, тяжёлых её волос. Я и себе могу сделать причёску на диво, когда предстоит вести концерт во Дворце культуры металлургов. Лиля частенько составляет Розе компанию и восхищается шикарными волосами подруги. У неё самой—короткая стрижка. Она удивляется, что я причёски делать умею, а стричь—нет. Однажды ей всё-таки удаётся уговорить меня сделать ей стрижку. После долгих отнекиваний я согласилась и постригла-таки Лилю. И ей пришлось идти в парикмахерскую перестригаться. А я окончательно подтвердила свою несостоятельность парикмахера. Хотя девчонки по комнате вручили мне шуточную медаль в виде расчёски из фольги от шоколадки, прикреплённой к «орденской ленте», также от шоколадки. Надо заметить, что это не единственный мой «заслуженный трофей». Ещё у меня есть «орден Поварёшки» за вкусное абрикосовое варенье и яблочно-вишнёвые компоты. В общем, я—«орденоносец», известный на все четыре этажа общежития повар-парикмахер! Розе и Лиле—коллегам по цеху

медеплавильного завода—нравится бывать в нашей общежитской развесёлой дружной компании.

И новогодние праздники-застолья отмечаем мы сумбурно-бравурно, поздравляя друг друга сообразно часовым поясам—от Владивостока до Карелии—большой нашей Родины.

Ходим из комнаты в комнату, предлагая тост за Новый год то по-иркутски, то по-новосибирски, то практиканты из Свердловска или Москвы, а потом Мончегорска, Ленинграда провозглашают задравные своим городам. И всё с шутками-прибавками, местечковым фольклором. Молодость. Мечты. Надежды.

А дни рождения!.. Не удаётся скрыть дату, отметить втихую. Узнают, идут и идут поздравить, пожелать, цветочек, букет цветов подарить.

Импровизированные вечера-посиделки превращаются в заочные экскурсии по стране: кто-то рассказывает о местах своего детства, юности, кто-то—о городе, в котором учился. И мы обогащаемся знаниями о нашей большой Родине—России.

Прогулки под дождём

Гуляя с Александром под дождём по безлюдным улицам, мы забрели на окраину города, где на заборе свисали каскадом вьющиеся розы. Адрес улочки обозначался прибитой к забору табличкой: «пр. Короткий». Этот «пр. Короткий» совсем не походил на проспект. В Красноярске я знала три проспекта: Свободный, Мира и «Красноярский рабочий». Это были городские магистрали, широкие, с многолюдными тротуарами. А здесь узкая улочка в Старом городе. Что же обозначал «пр.»? Проспект? Но этот «проспект»—длинной не более пятидесяти шагов. И упирается в заборчик из штакетника. Может быть, «тушик»? Тогда было бы другое обозначение: «туп.», например. Если «переулок», тогда почему «пр.», а не «пер.»? В общем, загадка...

Саша, конечно же, знал этот «пр. Короткий». И специально привёл меня сюда, чтобы показать, какие ещё бывают розы. Причудливые гирлянды из зелени и ярких, различных даже в густых сумерках розочек красиво оплели ограду, скрывая постройку за ней. Трудно было оторвать взгляд от откровенной, доступной и одновременно девственной красоты. Руку протяни—и сорви, но не хватало решимости нарушить тихую гипнотизирующую гармонию. Я стояла заворожённая. А Сашка улыбался, довольный своим сюрпризом.

Саша вообще лучше знал этот город, он жил здесь давно, а я всего несколько месяцев.

Он как будто взял шефство надо мной. Навещал в нашей общежитской комнате, опекал,

знакомил со своими знакомыми, коллегами, друзьями. С удивительной лёгкостью сходился он с людьми. Мог говорить почти на всех «восточных» языках и оттого находил общий и с узбеками, и с татарами, казахами, таджиками. Жили мы все в общежитии — Доме молодых специалистов. Парни занимали третий и четвёртый этажи, а девушки размещались на первом и втором.

После хлопкоуборочной эпопеи, где он возглавлял десант заводчан, предстал в нашей девичьей «келье» ошеломительно краси-и-ивый. К его статности добавились борода и усики на дотеле аккурратно выбритом лице. Ну вылитый Педро Зурита из «Человека-амфибии». И сразу проявились черты жителя Кавказа. А до этого трудно было определить национальность. По-русски говорил чистейше, без акцента.

— А родом я с Кавказских гор. Так вот...
— Грузин?
— Нет. В Грузии ведь много разных народов.
— А кто? Хевсур? Фильм такой знаешь, «Хевсурская баллада»? Тоже про Кавказ.
— Почти... Хемширец я.

Хемширец... Стала присматриваться... И правда, кавказец. Поэтому, наверное, и с языками у него так ловко, и общается с многонациональным населением узбекского городка — с лёгкостью. В общении вообще был простой, весёлый. Производил впечатление не очень серьёзного, немного безалаберного рубахи-парня. Интересно, а как на производстве? Мастер всё-таки. Мог он решать серьёзные рабочие вопросы?..

Заглянул как-то в нашу комнату:
— Чаем угостите?

А в комнате на верёвках висят наши постирушки, нижнее бельё. Мы втроём засмутились, стали наскоро закрывать бельё газетами, полотенцами. А Сашке — хоть бы хны, как будто так и быть должно и трусики-плавочки для него — явление привычное, не единожды наблюдаемое. Попили чай. Слово за слово, шутки-прибаутки, раздурачились, разыгрались, разыступались. И какие-то сценки разыгрывали, и танцы, и фокусы. Несколько часов продолжалось это импровизированное представление, это веселье. Как будто выпили не по одному фужерчику-стаканчику. А всего-то — чаю! Позже вспоминали и недоумевали: как можно было с чаем так веселиться?..

Он часто бывал у нас в комнате. Заходил за мной, приглашая на прогулки, в кино. Соседки по комнате привыкли к его посещениям. Моим редким посещениям его мужской комнаты товарищескокомнатники его тоже не удивлялись. Как-то зашла к нему, он лежит одетый в постели. На улице

и в комнате неуютно, холодно. Мне тоже жабко, и я забралась к нему в постель. Кажется, Александр даже не удивился. Парни заглядывали в комнату, здоровались, ухмылялись и... удалялись. А мы просто болтали обо всём и ни о чём. И Саша спросил:

— У тебя было с кем-нибудь?
— Что было?
— Ну... это... всё! Сама не понимаешь?
— Не больше, чем с тобой.
И он всё понял, успокоился.

Шли с Александром вечерним городом, говорили, шутили, рассказывали смешные истории о себе, казусах на работе... И вдруг:

— Когда мы с тобой поженимся?
— После дождика в четверг... — попыталась отшутиться я банальной фразой.

Но он смотрел серьёзно, схватил меня за руки, за плечи, прижал к себе, потом оттолкнул. Стал говорить, говорить, сердиться, умолять, оправдываться:

— Только без загса, без регистрации. Не могу я с тобой зарегистрироваться. Понимаешь, меня ещё в детстве обручили с... По нашим кавказским обычаям, понимаешь? Но я с ней не живу. А развестись — и думать нечего. Против родителей не пойдёшь...

В это время он был как пьяный. Не давал мне вставить ни слова.

— Я люблю тебя, наверное!

Не ожидая от него такого темперамента, я даже напугалась немного. Он обнимал меня, оплетал словами, руками, как вьющиеся розы ограду там, в Старом городе, прижимал к себе и вздыхал откровенно огорчённо. Я слышала биение его сердца, чувствовала его отчаяние. Что могла я сказать ему?! Он мне тоже нравился. С ним было легко, спокойно, защищённо. Но замуж?.. Я пока не думала о замужестве. Считала, что в двадцать лет выходить замуж, сходиться с женатым мужчиной... Нет... А что я скажу родителям? Я ведь, как каждая девушка, мечтала о фате и белом платье, «букетике невесты» и торжественном свадебном марше...

Я не сказала ему об этом. Промолчала. Но предположение меня зацепило. Я стала раздумывать над ним, даже советоваться с подругами по комнате. Строгая и рассудительная Лидя тогда сказала:

— Тебе нужен муж, до которого нужно расти. А Саша не такой... С ним ты превратишься в обыкновенную домохозяйку.

В домохозяйку я превращаться не хотела. Мне хотелось чего-то другого. Творческого, что ли... Хотелось подруг, друзей, новых разнообразных впечатлений, интересного общения. Галка поддержала Лидю. И они поведали мне о его просьбе

Грустная история про хлопок

найти ему «девочку красивенькую и глупенькую». Это было шоком для меня. А я тогда кто? Умная? К некрасивым я себя не причисляла. Он что, будет дружить со мной и ещё с кем-то?..

По размышлении потом я поняла, что он мужчина. Взрослый, женатый мужчина, значит, ему нужна женщина... Ко мне же он относился покровительственно, бережно.

И мы продолжили с Сашей встречаться, дружить.

А однажды поссорились. Поссорились из-за какой-то мелочи. И я пошла мириться. Сама. Первая. Я очень любила гулять в дождь, любила тёплую дождливую «мерехлюндию».

И решила: если он пойдёт со мной гулять под дождём, то помиримся, а если откажется—расстанемся навсегда. Пришла к нему в комнату. Он лежал на кровати и смотрел вверх. На моё «здравствуйте» не отреагировал.

— Саша, пойдём гулять.

Он оторвал взгляд от потолка, посмотрел на меня, помолчал.

— Иди одевайся...

Я надела резиновые сапожки, свой ярко-розовый болоньевый плащ. Саша зашёл за мной с зонтом. И мы пошли гулять. Под дождём. И добрели до розовых гирлянд в проезде Короткий.

Розы от Садвинсовхоза

Возвращаемся концертной бригадой с «гастролей» по хлопковым полям, кишлакам, сельским клубам. В автобусе везём подарки благодарных зрителей последнего принимавшего нас Садвинсовхоза: ящик яблок, ящик винограда и огромные букеты роз.

Над дорогой, а значит, и над нашим автобусом, и над нами, аркой смыкаются деревья. И мы в этом зелёном тенистом коридоре—усталые и счастливые. Довольные закончившейся разлукой с домом, возвращаемся к привычным занятиям, заботам, друзьям. Меня ожидают новые роли в театральной студии, занятия в эстрадно-разговорном кружке у Эдуарда Фёдоровича—директора Дворца культуры металлургов.

Вечереет и над просторами полей стелются полосы тумана ли, дымки ли. Классическую картину южного вечера дополняют стройные, высокие пирамидальные тополя-минареты. Пейзаж настраивает на лирический лад и воспоминания.

Почти месяц по полевым станам, по сельским клубам, Домам культуры. Концерты для хлопкоборцов и сельчан. Обычно хлопкоуборочная страда продолжается до самых холодов, порой снегов—до ноября-декабря. Для меня это не первая поездка с концертной бригадой, но самая продолжительная.

Вспоминаются первое знакомство с хлопком и некоторые гастрольные приключения.

Знакомство с хлопком, можно даже сказать—близкое знакомство, близкий контакт, состоялось в первую же осень пребывания (отработка по направлению после окончания техникума) молодого специалиста в Узбекистане. Для начальников участка, цеха, отправивших молодую, не обременённую семьёй, детьми практикантку, это было в порядке вещей. Я не очень отбрыкивалась от этого «почётного» поручения—двигало любопытство: что же это за хлопок такой и «с чем его едят», то бишь как его убирают? В Сибири—картофельные поля, здесь—хлопковые. Есть ли разница?..

Хлопок оказался ростом с картофельный куст. Уже хорошо! Работа, на первый взгляд, должна быть знакомой. Так же кланяться каждому кустику, так же таскать тяжести—только не ведра с картошкой, а фартук с хлопком.

Огромный, замысловато подвязанный фартук, в который по норме за смену—световой день с пяти утра до девяти вечера—нужно набрать двадцать килограммов хлопка, оказался ношей неподъёмной в плане выполнения нормы. Выручали добрые девчонки, взявшие надо мной, неопытной шестфо, принявшие меня в свою мини-бригаду: впятером сдавали собранное общим весом—складывали килограммы и делили на всех пятерых поровну. Только так я дотягивала до нормы. А невыполнение нормы грозило по возвращении на производство вычетами из зарплаты.

Рабочий десант горожан поселили в здании школы какого-то кишлака. Школой называлась одноэтажная, с земляным полом, избушка-мазанка. Спали в двух комнатках-классах на раскладушках, кому хватило, а кому не досталось раскладушек, тюфяки клали прямо на пол, так и спали. Вставали в пятом часу утра, наскоро завтракали кто чем и шли на поле.

Сбор хлопка отличался от того, что показывали в бодрых кинохрониках, где улыбающаяся узбечка идёт по рядам кустов и вынимает руками белые «ватные» комочки из коробочек. Или плывёт по хлопковому полю «корабль полей»—комбайн, а белозубый узбек в яркой тубетейке легко держит штурвал и, довольный, обзревает сверху бескрайние просторы «белого золота».

Для нас всё оказалось не столь романтично. Мы были на так называемом «подборе». Это когда хлопковые поля опылили с самолётов-кукурузников чем-то, от чего засохли и опали листья с кустов, потом прошёл комбайн и «высосал» из коробочек хлопок, а то, что упало на землю, в рядки между кустами, должны были подбирать мы, вручную, кланяясь каждому колючему кустику. Да, кусты были колючие, царапали руки, тело. Поэтому одежда у нас была обязательно

плотная, с длинными рукавами. Но даже сквозь такую одежду на теле оказывалась масса мелких царапин.

Измотанные жарой, жаждой, пылью, с ноющими поясницами, исцарапанные вдоль и поперёк, при- таскивались мы с поля. Мылись в арыке с ледяной водой, ужинали уже в темноте и...

Если бы не перерывы на обед—вкусный, сыт- ный—и короткий сон во время самого сильного дневного зноя, вряд ли дотягивали бы до вечера.

Увы—или к счастью,—долго я не продержалась на переднем крае битвы за урожай главного богат- ства Узбекистана. Сказалось купание в холод- ных водах арыка разгорячённого работой тела. Простудилась. Кашляла, чихала, зачихивалась до сердечных приступов. Начальство испугалось летального исхода и отправило меня обратно в цех. Подлечившись за выходные, я снова яви- лась к пункту отправки на поля. Добросердечный начальник, увидев меня, возмущился:

— Поправилась? Не чихаешь? А сердце как? В боль- нице была? Нет? Так иди. Я за тебя отвечать не бу- ду! А вдруг помрёшь?! Иди работай в своём цехе...

Я вышла на работу в свою смену и работаю себе тихонько. А мастера участка кип (контрольно- измерительные приборы) стали беспокоить по поводу нехватки рабочих рук на полях. Замену он нашёл, но предварительно отчитал меня по первое число.

А после—во время гастролей с агитационно- концертной бригадой по полям и пребывания в селе—замечала, как бережно аксакалы относятся к хлопку: каждый клочок, случайно выпавший из машин, подбирают и кладут в ящички, специально прибитые к деревьям у дорог. «Хлопок»—«пахта» по-узбекски. Вот откуда название футбольной команды Узбекистана «Пахтакор»—«хлопкороб», аналогично русскому «хлебороб».

В Ташкенте позже видела на улице, на видном месте, огромные цифры: «4 000 000».

— Что это значит?—поинтересовалась я у парня- узбека.

— Если мы выполним план и сдадим государству четыре миллиона тонн хлопка, у нас будет всё!— был ответ.— В магазинах будет всё: ткани, обувь, разные товары...

«Белое золото»—главное богатство Узбеки- стана...

Ужин

Мы долго ждали автобуса. Очень долго. От реше- ния плюнуть на всё, вернуться домой и никуда не ездить удерживали ответственность и то и дело поступающие заверения, что автобус вот- вот отремонтируют и он подойдёт. Ещё, пожалуй,

любопытство... Переговорили обо всём, даже шутки и анекдоты уже не осталось. Проголода- лись очень.

Так и поехали голодные.

Разместили нас в довольно приличном Доме культуры села Аккурган: мальчишек-мужчин—в одном крыле одноэтажного здания, девчонок—в другом. В центре здания—фойе с теннисным столом, за ним двери в просторный многомест- ный зал со сценой и традиционно плюшевыми шторами.

Поскольку все были голодны, нужно было ис- кать столовую или что-нибудь подобное. Где-то же кормили тех, кто трудился на уборке хлопка! Село вроде большое, районное, поскольку Дом культуры наличествует. Стемнело быстро, на юге—а Узбекистан чем не юг?—темнеет быстро. На поиски в незнакомом, да ещё тёмном насе- лённом пункте отправили троих—руководителя «узбекской группы» Карима, одного из музыкантов вИА и меня. Карим наш оказался пронырливым, знающим, где искать съестное, и привёл нас на пункт приёма хлопка. Он переговорил на своём языке с дежурным каким-то, а нам объяснил, что всю нашу бригаду накормить не смогут: на всех пищи не хватит. Нас же троих накормили сытно, вкусно пловом, салатом. Мы шли к своим в дк и договаривались, что не будем рассказывать голод- ным коллегам, чтобы не выдать себя сытых.

Коллектив нас ждал, разложив на столе ужин из скудных остатков харчей, предусмотрительно прихваченных из дому некоторыми участниками и не съеденных во время длительного ожидания автобуса. Я притворилась уже расхотевшей есть, Карим же сел за стол и съел единственное варёное яйцо. Удивлению моему не было предела. Позже я попеняла ему на такое бессовестное поведение, на что он привёл неопровержимый аргумент:

— Они же сами предложили, и если бы я отказался, поняли бы, что мы где-то наелись.

Ну что можно было возразить?!..

Касым

— Девчонки, какие симпатичные мальчики в фойе играют в теннис!..

— Идёмте знакомиться,—дружным хором ото- звались девчата.

И мы высypали в фойе, где у теннисного стола и на стульях у стены расположилась местная моло- дёжь. Слово за слово, шутки, улыбки, вопросы- ответы—и познакомились.

Одного симпатичного мальчика звали Енисей. Оказался кореец.

— А знаешь, Енисей—это река в Сибири. Я из города Красноярска, где и протекает Енисей,—не преминула я просветить парня.

Енисей поделился с нами интересным фактом. Оказывается, у них, у корейцев, день рождения

считается не тогда, когда ребёнок появился на свет. Что он рождается, и ему уже девять месяцев.

Мне понравился симпатичный, типично восточной наружности, парень Касым. И отправились мы гулять с Касымом по селу.

Любуюсь его классически восточным профилем. И не скрываю своего восхищения. Чёткий профиль на фоне луны. Чёрные, блестящие, опушённые густыми ресницами глаза, в которые можно смотреть как в зеркало. Красиво очерченные яркие губы, которые хочется поцеловать. Прямой нос с лёгкой горбинкой, к которому так и тянется рука, чтобы прикоснуться, провести пальчиком. А улыбка!.. Красивый казахский мальчик.

Касым смущённо улыбается, снисходительно принимает мои комплименты.

Знакомит меня с посёлком. Школа—небольшое одноэтажное здание, чистое, со светлыми окнами, невысоким крыльцом у входа. Здесь он учился. А сейчас—студент Ташкентского сельскохозяйственного института. Рассказывает о студенческих буднях, друзьях, своих односельчанах. Выходные обычно проводит здесь с родителями, одноклассниками. Поэтому и оказался с друзьями в клубе. Поэтому и познакомились.

Достопримечательность посёлка—странный парк. Парк платанов. Платаны стоят наклонно, медленно осыпая листья. Осень. Листья засыхают, опадают и ложатся у стволов высоких деревьев шумными ворохами. Мы идём с Касымом по этим листьям, ноги утопают, листья шуршат, хрустят, нарушая тишину уединения.

— Это наш парк.

— Странный парк... Грусть наводит... А почему все деревья наклонены в одну сторону?

И мы высказываем предположения, почему так странно растут деревья.

— Может быть, так наклонно высаживали саженцы?..

— Специально, чтобы было смешнее, необычнее...

— А вдруг какие-то насекомые-вредители подточили корни?..

— И деревья выживали в трудных условиях...

Я предполагаю, что, наверное, дул холодный ветер, когда росли деревья эти. Касым со мной не соглашается. Но я остаюсь при своём мнении. И в памяти остаётся этот пустынный парк с умолкшим фонтаном, наклонными платанами и шуршащей под ногами листвой.

Касым после «домашних» выходных возвращается в Ташкент. Я остаюсь с концертной бригадой. И скучаю по этому доброму новому другу...

Сотовых телефонов тогда не было ещё, но мы как-то договаривались о встречах. И встречались в Ташкенте, общались, гуляли по городу.

Однажды забрели в зелёный тенистый парк, посидели на траве у пруда. И этот парк был

безлюдным. Подошли два парня-узбека, поздоровались. Один отозвал Касыма в сторону. «Обсуждать какие-нибудь институтские дела,—подумала я.—Знакомые его, наверное...» Другой занимал-развлекал меня. Сидели с ним на скамье и мило беседовали. Переговоры затягивались, но я ждала Касыма. Долго ждала. Нам не о чем особо было говорить с новым парнем. Даже имя его не узнала. Касым подошёл внутренне взволнованный, сухо попрощался с парнями, и мы ушли из парка. А ведь мы намеревались ещё погулять, погода тёплая, светлая, аллеи, газоны парка причудливые, зелёные, у водоёмов прохлада. Можно было дольше наслаждаться тёплым вечером, красивыми видами, общением. Но Касым торопился проводить меня. Разговор не клеился, он не рассказывал ничего. Даже на мои вопросы не отвечал. Был сосредоточен на чём-то своём, расстроен.

Много позже рассказал только, что парни просили его продать меня им. Я ужаснулась, внутри всё похолодело.

— Как продать? Разве такое может быть?..

— Бывает, наверное. Увидели русскую девушку с казахом... Решили, что и с узбеками можешь пойти...

Что бы они со мной сделали—представить страшно!.. Как он устоял? Значит, сидевший со мной на скамье парень караулил меня?.. А я, беспечная и доверчивая, что-то ему рассказывала про себя, про Касыма...

Какие доводы Касым им приводил? И кто я ему? Разговор-то был у них долгий... Что они ему предлагали—даже мысли не возникло спросить... Только оторопь и запоздалый ужас...

Эх, Эмина...

Сегодня у нас концерт в сельском клубе. Вообще-то это не село, а кишлак. Причём маленький. И клуб маленький. Не клуб даже, а клубик. Автобус везёт нас по улице кишлака, и мы по традиции «распеваемся»—горланим новую популярную песенку про девушку Эмину:

Я тебя давно не видел, целых-целых три часа,

Я забыл, какого цвета твои синие глаза,

Я забыл, какого цвета твой платок зелёный был,

А ещё, моя Эмина, имя я твоё забыл...

В шлейфе пыли за автобусом несётся босоногая вагата черноголовых, черноглазых ребятишек, привлечённых задорной мелодией. Весть об артистах быстро распространяется по дворам, мазанкам—и, как результат, аншлаг в зале. Артисты воодушевлены сердечным приёмом, концерт идёт на подъёме. Но... каждый раз после объявления очередной песни из зала несётся просьба: «Эмину!..» И всё настойчивее и настойчивее. Коллектив сконфужен, ведущая концерт объясняет, что

этой песни пока в репертуаре ансамбля нет. Зал продолжает настаивать. Как это нет? Пели же, и все слышали— в автобусе пели. Разгорячённую недовольством публику удаётся немного успокоить выступлением «узбекской» группы с песенкой «Кыз бола», похожей на русские частушки. О чём в ней поётся, мы не понимаем, но понимают зрители, что подтверждает дружный смех перед каждым припевом: «Кыз бола, о, кыз бола. . .» Руководитель «национальной» группы лукавый Карим так и не смог объяснить, над чем смеялись зрители.

Или сохранил интригу?..

Гастроли закончились. Я еду, влюблённая в красивого мальчика Касыма. Уже немного тоскую от разлуки с ним. Огромный букет роз, дурманящий их аромат, приятные воспоминания. . .

В последующие гастрольные наезды в Аккурган мы с Касымом не назначаем встреч в Ташкенте, не рискуем по Ташкенту гулять. Он боится за меня. Встречаемся только в его выходные и мои свободные от сцены дни в посёлке и гуляем лунными вечерами по безлюдным улицам, заходим в грустный парк с наклонными платанами.

Розы в дорогу

Меня провожали в Красноярск. Девчонки— коллеги по театру— сказали, что придёт проводить и Адыл, но он задерживался. Адыл— студент Ташкентского театрального института— проходил практику в нашей театральной студии. Вместе с нашей Ниной Васильевной Шахановой ставил спектакль «Вечер русской классики» по пьесам Н. Островского. Нина Васильевна была режиссёром Ташкентского русского драматического театра имени Максима Горького, приезжала в наш Алмалык на пятницу-воскресенье и занималась с нами— любителями. Занятия она проводила по институтской программе. По сокращённому варианту, конечно. Но с упражнениями по постановке голоса, сцендвижению. У нас даже уроки танца были, миниатюры, этюды разыгрывали, продумывали биографии своих персонажей.

Ставили сцены из классических пьес— Александра Островского, Погодина, Лавренёва, Горького, поэтические спектакли. По стихам венгерских авторов, например. С увлечением репетировали главы поэмы Е. Евтушенко «Братская ГЭС».

В спектакле у Адыла и Нины Васильевны оказались занятыми мои подружки Галя Якимова и Надя Доценко. Большинство молоденьких студийек были в него влюблены. Адыл показывал программки и рассказывал о спектаклях в Москве и Ленинграде, которые мог беспрепятственно посещать как студент театрального вуза. Знал много, был интересным собеседником, скромным, не хвастливым. Забавно, живо, в лицах, изображал

анекдоты. Общался с нами запросто, бывал в общежитии, где мы устраивали посиделки-разборы после репетиций.

Мне сыграть в спектакле Адыла не довелось: проездила в отпуск. Но я и не расстраивалась, потому что была занята в концертной бригаде во время хлопкоуборочной компании, в городе появляясь наездами, вела различные концерты в нашем Дворце культуры. Возможностей приложить свои творческие способности хватало с лихвой. К спектаклю же этому написала текст вступления и комментарий к отрывкам. Вела вечер.

Однажды я отсыпалась между ночными сменами. Постучала дежурная с извинениями и просьбой поговорить «с мальчиком, который ждёт уже несколько часов кого-нибудь из театралов». Вошёл Адыл. А я осталась лежать в постели. До сих пор стыдно, что так негостеприимно его приняла. Тема беседы всё та же— театральная. В комнате на двери висела афиша фильма «На углу Арбата и улицы Бубулиной» с изображением Людмилы Чурсиной. Я прочла книгу Галины Шерговой и посмотрела одноимённый фильм. Все знали о моём увлечении Грецией. Там сейчас правила хунта «Чёрные полковники», и я «болела» за её историю, судьбу народа. В Ташкенте и нашем городе жили греки-эмигранты. Девчонки раздобыли афишу и подарили мне. Мы поговорили о достоинствах фильма, актрисе. И Адыл сказал:

— А когда-нибудь здесь будет висеть афиша с надписью: «В роли Людмилы Чурсиной— Римма Чучилина». Представляешь? Здорово, правда ведь?

Чудак! Мне это польстило.

Адыл появился в аэропорту с большущим, огромным даже, полиэтиленовым пакетом. А в пакете. . . В пакете— розы! Свежие, только что срезанные, — миллион разных роз, больших и маленьких, крупных и мелких бутонов, разноцветных, ароматных! Где можно было купить так рано цветы? Оказывается, Адыл срезал их у себя во дворе. Потому и прибежал в последние минуты перед посадкой. Да, Ташкент был щедр на цветы.

Пакет с чудесным содержимым устроился на багажной полке в салоне самолёта и благополучно долетел до Красноярска. Дома расставила цветы в разные вазы, кувшины, стеклянные банки. Квартира, наполненная ароматами Ташкента,— благоухала!

Одинокая жёлтая роза

Бледно-жёлтая роза без стебля расположилась в плошке удобно-валяжно, подобно молодой нарядной барышне в кресле. Смотрясь по утрам в зеркало, Инна дышала её сладким ароматом. Она приоткрывала балконную дверь и ставила плошку с цветком на столик так, чтобы ветер

доносил с моря свежесть, а от розы — её запах. «Аромат для розы, по Голсуорси, то же, что и морю для человека», — вспоминала она прочитанное когда-то...

Внеся дорожную сумку в комнату, Инна заторопилась к морю.

— Да оставь, Люда, ты этот чемодан. Успеем ещё разобрать. Пойдём скорее к морю! Скорее!..

— Зачем?

— Говорят, оно солёное. Пойдём попробуем!

— Как?

— Лизнём!.. Ну пойдём же! Люда!

Инна впервые приехала к морю. Всё удивляло и восхищало её: пышная, какая-то декоративная зелень кругом, свежий, наполненный незнакомыми ароматами воздух, гигантское, напоминающее поставленный вертикально спичечный коробок здание пансионата. Лифт — в зеркалах — на пятнадцатый этаж. Уютная «шкатулочка» номера. И самый большой восторг — море! Недаром на второй же день она записала в дневнике: «Какое чудо — море! Бормочет, шумит, дышит. Море дышит!.. Я уже в него влюблена. Море, можно я тебя поцелую?..» — Оно горькое!.. — удивилась она своему открытию, лизнув мокрую ладонку. — Оно не солёное. Правда-правда, горькое, Люда!

— Прогдегустировала? Вот ненормальная!.. Море лизать!..

— А иначе как узнать его на вкус?

— Чудачка!..

Инна побежала по волнорезу к самому краю. Не верилось, что она у моря, видит безбрежный колышущийся простор, слышит плеск волн...

— Людка, ладно, сегодня я потерплю, а завтра с утра купальники на себя и — к морю! К морю, к морю-у-у!

— Ну довольно! Пошли уже.

— Ты понимаешь?.. Это же Мо-о-оре!.. Я так о нём мечтала!.. «Море! Вот оно какое! Как ребёнок, озорное. Море... Наплывает мне в ладони. Нет в нём сна и нет покоя...» — вспоминала она стихи. — Хорошо-то как, Господи!.. Я тут жить останусь. Буду приходить к волнам, смотреть и разговаривать с ними.

— Останешься, останешься. Конечно. Пойдём вещи разбирать, — улыбалась подруга. — Успеешь ещё и насмотреться, и наговориться, и даже наплескаться. Впереди целая вечность — двадцать четыре дня.

Инна не могла никак успокоиться, унять своего восторга от первого свидания с морем.

— «Кинусь в море камнем-птицей, — продолжала она стихи, — море липнет на ресницы, море — солью на губах, море — лёгкостью в волнах...»

И закружила-завертела курортная жизнь. Празднество беззаботности, поездок и знакомств, новых

печатлений, волнений, ощущений. Лето и море! Не жизнь — радостный фейерверк!

Целыми днями берег моря был усыпан «спичками» — курортниками из «спичечного коробка». В часы завтрака, обеда и ужина эти же «спички» перемещались на обширные просторы столовой. Праздные отдыхающие набивались в лифты, фланировали по скверам, тропкам и зелёным просторам курортного городка.

Сквозь сон Инне слышались голоса, весело певшие под бодрое марширование. Пели не по-русски. «Прибалты, что ли?..» — грезились Инне.

— Люд, послушай, мне приснился сегодня большой сводный хор, поёт — и марширует по берегу, и качается взад-вперёд. Представляешь, когда волны набегают на берег, певцы отшатываются назад, а стоит волнам отхлынуть, они вперёд наклоняются. К чему бы это? Ты sny умеешь разгадывать?

— Так и хочется сказать банальное: к дождю! Но... Хор, говоришь?.. Это вчера мужчины из соседнего номера ходили по коридору и пели. Явно пьяные и нерусские... А хор качался... Это тебя качало. Нахлюпалась в море, вот и качало...

— Интересно, кто там живёт?.. Беспокойные такие! Поговорить бы надо с ними. Что это за отдых, если будут горланить по ночам?..

Море штормило. Гребни волн нарядились в белые пенные жабо. Волны с шумом накатывали на каменистый берег и с шипением откатывались назад. Море дышало тяжело, грозно. Купаться было боязно. Боязно было даже входить в воду, шумную, брызжущую.

После ужина Инна с книгами и тетрадками вышла в холл. В номере собралась весёлая компания новых Людмилиных знакомых. А Инна хотела позаниматься. Прилежная ученица, она даже на отдых взяла с собой учебник немецкого языка. Устроившись за столиком, принялась за упражнения. Ох уж эти немецкие глаголы! А длинные немецкие слова! Пока выговоришь, язык сломать можно!

Разложенные книги, словарь, тетради, сосредоточенный вид «ученицы» привлекли внимание проходивших по коридору мужчин. Один из них, крупный, с пышными волнистыми волосами, склонился над Инниной тетрадкой и что-то стал говорить светловолосому приятелю.

— А... Так это вы ночью громко пели? И мешали всем спать! — воспользовалась случаем отчитать беспокойных соседей Инна, услышав иностранную речь.

Она подняла взгляд на растерянно улыбающихся нарушителей спокойствия.

— Ме-е-е-ша-ли... — неуверенно повторил белобрысы.

Они заговорили на своём, энергично-гортанном.

— И вообще, не мешайте! — нахмурилась Инна.
— Ме-ша-и-те... — медленно, с акцентом, повторил кудрявый.

— Вы что, нерусские? Не понимаете, что ли? — теперь уже недоумевала Инна.

— По-ни-ма... те... — по слогам вторили пришельцы, растерянно пожимая плечами.

— Знаете что, не дурачьте меня!

— Ду-ра-чи-те... — снова повторили они.

— О! — воскликнул, встряхнув кудрями, склонявшийся над тетрадью. Он обрадованно залепетал, обращаясь к Инне, и протянул листок бумаги с написанным столбиком буквами. — Русише алфавет! Русише алфавет! — продолжал он, тыча пальцем в буквы. — Дойче алфавет, — показывал он на колонку букв. — Русише алфавет... — подталкивал он Иннину авторучку.

— А-а... — протянула Инна. — Так вам нужен русский алфавит?... — она придвинула к себе листок с каракулями. — Так бы и сказали! Это что, немецкий алфавит? Дойче алфавет?

Иностранцы радостно закивали, ещё шире заулыбались.

— Написать? Но в нашем языке букв больше. Здесь всего... — она пересчитала литеры столбика. — А в русском — тридцать три... буквы...

Пришельцы не понимали, но продолжали согласно кивать и улыбаться.

Алфавит она им написала и, как могла, объяснила произношение трудных для них русских букв «ч», «щ», «и краткое», «ж». Совсем сложно было объяснить букву «ы» и твёрдый и мягкий знаки.

Поняли ли они что-то из её объяснений и зачем им нужен был на курорте русский алфавит, Инна так и не разобралась. Но при встречах в лифте, в лабиринтах курортного городка немцы стали здороваться с ней. В столовой же, проходя мимо их с Людмилой столика, приветливо раскланивались, поглаживая животы, хвалили:

— О, русише сметан! Русише сметан...

Инна рассказала Людмиле о встрече в фойе, о помощи им с алфавитом.

— Вот бы с ними подружиться... Помогли бы мне с немецким... — поделилась Инна своей «голубой мечтой».

Девчонки стали отвечать на приветствия, заговаривать. Познакомились. Оказалось, группа специалистов-краснодеревщиков из гдр — Руди, Клаус, Лютц и Фердинанд — оформляют помещенные бара в цокольном этаже их корпуса.

— Инн, попробую сейчас рассказать им, как меня напугала здесь змея, — предложила Людмила во время прогулки вместе с новыми знакомыми по тенистым террасам и тропкам городка.

— Интересно, как ты это сделаешь? Ты же всегда английский учила, — усомнилась Инна.

— С твоей помощью. А что, тоже «поупражняюсь» в немецком! Надо же о чём-то с ними говорить. Не всё тебе. Вот как по-немецки будет «я иду»?

— Их гее.

— Их гее, значит... — начала Люда рассказ. — А как сказать «здесь»?

— Хир.

— Иду я, значит, хир и вижу на ступеньках... Инн, как по-немецки «змея»?

— Змея? Змея... Не знаю... Ты думаешь я все слова знаю, что ли? Сейчас спросим у ребят...

Изображая рукой ползущее существо, а ладошкой и пальцами шипящую пасть, Инна попыталась узнать у Руди немецкое звучание слова «змея». — «Шлянге». «Змея» по-немецки — «шлянге», — наконец «перевела» она Людмиле.

Люда темпераментно продолжила историю и, желая подчеркнуть свой испуг от встречи со змеей, энергично, широко распахнула в стороны руки, выпучила глаза и уверенно закончила на русско-немецком:

— ...И ползёт во-о-от такая шланга!

Немецкое «шлянге» преобразовалось в её интерпретации в явном русский «шланг». Инна представила резиновый чёрный безобидный шланг в сочетании с Людмилиными страшными глазами и расхохоталась. Она не могла остановить смех и объяснить немцам комичность сказанного. Без сил сидела она на ступеньке каменной лестницы и хохотала. Недоуменно взиравшие поначалу Клаус и Руди заразились её смехом и тоже стали смеяться. Немалых усилий стоило Инне унять свой смех и разъяснить каламбурность Людмилиного немецкого.

И неумело-смелый рассказ, и общее веселье помогли разрядить некоторое смущение и скованность разноязычного общения. Клаус стал рассказывать какие-то забавные истории, Руди вместе с Инной пытались интерпретировать их для Людмилы по-русски.

Руди, озорничая, несмотря на предупреждающие плакаты «По газонам не ходить» и протесты девушек, сорвал крупную бледно-жёлтую розу. Пока гуляли, роза не выдержала «разлуки» с родным кустом, подвяла и потеряла стебель. Жаль было выбрасывать красивый, неяркий, но очень душистый бутон. Инна потом поместила бутон в плошку с водой. Роза не погибла, а распустилась, расправилась в импровизированной вазе.

Море дарило прохладу и ласку. Волны качали, баюкали...

Днём немцы были заняты работой в баре. Девчонки проводили время на море и в экскурсионных поездках. В свободное время вместе ходили в кино, на танцплощадку. Первое время в фойе пансионата компанию останавливали дежурные,

подозревая девушек в посягательстве на «невинность» иностранцев. В таком случае Инна обращалась к Руди:

— Руди, майн аусвайс, битте...

Руди доставал сохранявшуюся у него в кармане курортную книжечку Инны, и бдительному дежурному оставалось только извиняться.

Объявление приглашало отдыхающих принять участие в самодеятельном концерте силами отдыхающих...

— О! Блеснём талантами!—решили подруги.— Нам не привикать! Столько «гастролей» за плечами... На каких только сценах не побывали,—смеялись девочки, обсуждая номера и подбирая сценические наряды.

— Иностранцев приглашать будем?

— А как же!

— Вот только вести концерт некому,—сетовала молоденькая организаторша концерта.

— Я могу представлять номера, если вас устроит...—предложила Инна свою кандидатуру.— У себя во Дворце приходилось...

— И не раз!—поддержала подругу Людмила.— Она у нас «штатная» ведущая.

И состоялся торжественный выход на концерт всей компании.

Отдыхающие оказались активным и творческим народом. Номеров набралось много. Инна вела концерт и читала стихотворение Марины Цветаевой «Стенька Разин», Люда исполняла народные песни.

С концерта шли взволнованные и молчаливые. Девочки переживали свой дебют на новой сцене, зрители осмысливали увиденное и услышанное. Инна хотела объяснить иностранцам содержание стихотворения.

— Не надо,—сказал Руди,—мы поняли.

Общение с немцами приносило обоюдную пользу. Инну даже стали принимать за переводчицу, а мужчины из ГДР высказывали желание учить русский язык.

— Люда, я еду в аэропорт. Прилетают ещё три немца. Ребята просят помочь встретить коллег.

— В полку противника прибывает?

— Скажешь тоже — «противники». Они же гэдэ-эровцы. Вызвали подмогу. Руди говорит, что не укладываются в сроки.

— Конечно, где им уложиться?... Шампанское сетками таскают. Вместо того чтобы работать, пьют. — Это они так жажду утоляют. Вода им не нравится, а шампанское наше хвалят.

Рейс, на котором прилетали коллеги, задерживался. В справочном окошке работница поинтересовалась:

— Вы у них переводчица?

— Нет, я просто...—Инна затруднялась объяснить, в каком качестве она здесь.— Просто я немного знаю немецкий.

— У нас для иностранцев другое здание, рядом,—подсказала дежурная.

Но и в другом здании не могли сразу объяснить причину задержки.

— Знают ли они своих коллег в лицо? Давайте будем встречать прилетающих у трапа самолётов,—предложили им работники аэровокзала.— Может быть, они прилетят другим рейсом. Или не из Москвы.

Всех четверых встречающих вместе с Инной посадили в открытый автомобиль и стали подвозить к трапам прибывающих самолётов—к одному, второму, третьему... В глазах рябило от лиц и трапов. Казалось уже, что и знакомых трудно будет узнать.

Наконец уставшие и измученные с той и другой стороны коллеги встретились. Потом прилетевшие пояснили, что время их отлёта из Москвы совпало с прибытием в Москву американского президента. Потому-то все московские рейсы и задерживали.

— Инна, нам нужна твоя помощь,—обратился Руди к Инне с просьбой поехать в Сочи за покупками.

Помимо предметов гигиены и каких-то вещей, немцам очень хотелось приобрести музыкальную пластинку с песней «Семь сорок». «Мясоедовская улица» и «Семь сорок» не смолкали тогда с утра до утра на просторах и за пределами курортного городка. К тому же Людмила с Инной очень красиво танцевали под эту мелодию. В одинаковых белых брючках и ярких цветастых кофточках-батниках, они производили фурор на танцплощадке. Присутствующие расступались, освобождая центр для яркой, синхронно и пластично двигающейся пары, любовались.

Желанную «Зибен фирцихь» — «Семь сорок» — искали во всех торговых точках Сочи. Увы, тщетно. Она существовала пока только в магнитофонном варианте.

Во время той поездки Инне пришлось сопровождать немцев и на представление сочинского цирка. Она вообще-то не любила цирк и несколькими днями прежде отказалась составить компанию Людмиле.

Позже, узнав о походе в цирк с иностранцами, Люда обозвала Инну предательницей и объявила ей бойкот. Принципиально не разговаривала, и всё!

В очередной танцевальный вечер Инна появилась на площадке одна. Пришлось объяснять друзьям причину ссоры с подругой.

— Я вас помирю,—убеждённо провозгласил Руди и отправился в корпус.

И Руди удалось-таки уговорить Людмилу, и по прошествии получаса, довольные, улыбающиеся,

оба побоялись на площадке. Парламентёрские способности не говорившего по-русски немца заслуживали высокой оценки. Примирение состоялось!

Двадцать четыре дня беззаботной «вечности», увы, заканчивались. Девчонки устроили для немецких друзей прощальный вечер с шампанским, раздобыли домашнего вина, которое те тоже очень нахваливали: «Хаузвайн, хаузвайн!..» На закуску были черешня, клубника и шоколад. Несмотря на языковую разницу, веселье плескало через край. Клаус показывал трюк с поднятием стула зубами за спинку, Людмила пела русские песни. Подвыпившие немцы пели «По диким степям Забайкалья» (на немецком), а Инна решила блеснуть и запела по-немецки: «Ауф фройнде цур геденк минутен! Хёрет нур, хёрет нур, эс клингт фон ален зайн. Бухенвальд эс кюндерт дигез рufen глэккен штурм гелёйт, глэккен штурм гелёйт...» («Бухенвальдский набат»). Немцы не поддержали, в Германии такой песни почему-то не знали.

— Завтра встаём в пять утра и идём плавать. До завтрака, — запальчиво агитировала захмелевшая Людмила.

— Ум вифиль ур? Фюнф ур?!.. — возмущённо недоумевал Клаус.

Не одобрял такой ранний подъём и Руди и умоляющим взглядом искал поддержки у Инны. — Руихь, — успокоила мужчин Инна. — Зи хат нихьт але цу хаузе¹, — бойкой скороговоркой произнесла она и растерянно замолчала.

Инна сама не ожидала от себя такого прыткого немецкого. Растерянно и непонимающе смотрели и немцы. Инна постучала пальцем у виска, и все, кроме Люды, облежённому вздохнули и заулыбались. Люда поняла нелепую шутку, но посчитала, что обижаться не стоит.

«Прощальный вечер» был весёлым. А наутро стало грустно. Девчонки уезжали, прощаясь с друзьями, с беззаботным отдыхом. Прощались с морем.

Провожали подруг в аэропорту щедрыми букетами роз — прощальными подарками немецких друзей.

А в комнате на столике доцветала бледно-жёлтая ароматная роза.

Три розы тёмно-красных

...Букет, который ты дарил, —
три розы тёмно-красных...

Нет, это был букет хризантем. Белых пышно-косматых хризантем. Мы купили их на второй день по приезде в Адлер. И он радовал нас все двадцать дней пребывания в пансионате.

А в ночь перед отъездом бутоны шумно осыпались. Сквозь сон я не разобрала источника этого шума, но в душе поселилась тревога. И предчувствия оправдались. Осыпавшиеся цветы знаменовали предательство и разлуку.

Всю ночь я спала и не спала, тревожно дремала, ожидая звонка Максима. Звонила сама, и он обещал прийти, но не приходил. Так и не пришёл. А под утро осыпались хризантемы, простоявшие двадцать дней. А в коридоре перед нашим номером, когда я вышла с чемоданом, стоял он. Как ни в чём не бывало. Предложил помочь донести до автобуса чемодан. Я отказалась. Внутри жгла догадка, что он провёл ночь с другой женщиной. По коридору прошла полноватая элегантная дама. Максим проводил её взглядом, стараясь скрыть взгляд от меня. Но я догадалась, что это была его новая женщина.

— Не мог подождать один день. Не мог подождать, когда мы уедем, — сказала моя соседка и попутчица, когда мы шли с ней к автобусу.

С Максимом Романовичем познакомились мы в первый же вечер нашего пребывания в пансионате. Анна, соседка по комнате, утащила меня почти силком на танцы. Я намеревалась отдохнуть, отлежаться-отоспаться после напряжённых, беспокойных рабочих дней. Но опытная Аня сказала:

— Надо брать, пока тёпленькие!.. Ты что, собираешься весь отпуск провести одна? Идём, идём на танцы!

Мы пошли на танцы и познакомились с двумя мужчинами. Аня танцевала с высоким, молоджавым, больше похожим на парня мужчиной, а меня приглашал симпатичный кавалер среднего роста с лёгкой сединой в волосах. Позже выяснилось, что они живут в одной комнате, как и мы с Анной. И мы стали дружить. Комнатами. Днём как-то не встречались, даже на пляже не встречались. Мы с Аней время проводили на море — купались, загорали, дышали морскими приборами. А вечерами созванивались (в каждом номере был телефон), шли гулять по курортному городку, потом в ресторан или устраивали посиделки в номере. Пили коньяк, закусывали лимоном, шоколадом. Столько коньяка, как в тот месяц, я не выпивала за всю свою предыдущую и последующую жизнь.

Некоторые отдыхающие сочувствовали нам с Аней: не дружите ни с кем, скучно, мол. И мы печально вздыхали, согласно пожимали плечами, сокрушённо разводили руками. И посмеивались втихомолку: скучно нам не было уж точно.

Максим как-то съездил ненадолго в Грузию к друзьям, привёз шашлык и вкуснейший соус.
.....

1. У неё не все дома (нем.).

— Сацибели, — сказал он. — Это жена друга приготовила специально для нас.

Соус понравился очень, рецепт оказался на удивление простым, даже примитивным, и потом стал одним из моих кулинарных изысков.

Аниного мужчину звали Николай. Частенько мы встречали его с другими женщинами. Анна ревновала. Однажды я рассказала как бы анекдот про француза Николя и итальянца Кобелино. Только идиот не понял бы, о ком речь. Николай же сделал вид, что к нему это не имеет никакого отношения, сделал стеклянные глаза и гулять не прекратил. Анюта злилась, досадовала и даже высказывала ему.

Я не интересовалась, как проводит время Максим. Понимала, что мы люди взрослые, на отдыхе, и каждый волен заниматься чем нравится. Только последний его поступок оскорбил, обидел меня, оставил неприятный осадок надолго. Банально и примитивно, как соус сацибели...

Вылечили стихи. Стихи о курортном романе. Длинное слово «хризантемы» не вписывалось в ритм и размер стихотворной строки. И появились «три розы тёмно-красных в простом кувшине для воды» вместо букета белых хризантем, осыпавшихся в ночь измены.

Белых роз лепестки

Мы хотели, чтобы она стала нашей мелодией. Наша мелодия... Мы танцевали под неё тогда, в мае, в общежитии, где жили ребята, обслуживающие городское радио.

Ты был одним из них. И жил здесь во время практики из Новосибирского техникума связи. Я тоже училась в техникуме и бегала к вам в общежитие за помощью в решении задач по электротехнике, электронике. Ты не знал, где я учусь, и удивлялся, что это за задачи такие, но помогал мне. Это нас и сдружило.

Мне очень хотелось с тобой дружить как девушке с юношей. Ты нравился мне. Спокойный, немногословный, добрый, мягкий, доверчивый.

Однажды, выйдя из автобуса, я увидела вас с твоим другом Славой идущими впереди. Мне очень хотелось заговорить с тобой. Догнала вас, поздоровалась, заговорила. Что-то спрашивала, рассказывала. А ты молчал и улыбался. Уже темнело. Но и в сумерках твои чёрные глаза светились снисходительно-доброй улыбкой.

Я помню, медленно солнце садилось
В синеву, в синеву.

Помню пиджак на тебе с незастёгнутой верхней пуговицей. Потом, когда мы сблизались, ты объяснил: так свободнее двигать руками. А я обычно не застёгивала нижнюю пуговицу пальто. Чтобы

полы пальто не мешали быстро шагать. Я всегда спешила — на остановку автобуса, на занятия в техникум, на репетиции драмкружка во Дворец железнодорожников. Ещё в школе и позже, по Дворцу культуры в Алмалыке, не могла просто пройти по коридору — всегда вприпрыжку, почти бегом.

А может быть, это мне только снилось
Наяву, наяву.

Сейчас даже не пытаюсь восстановить в памяти, когда и откуда проникла в меня эта мелодия. Я и тогда этого не знала. Только ходила и, сама того не замечая, мурлыкала без слов. А заметила однокашница Лидочка и спросила:
— Что ты напеваешь?

Сама же она через несколько дней и ответила:
— Это японская песенка «Белых роз лепестки», — и пропела.

Мне показалось очень красивым: «... плывут, плывут между небом и морем белых роз лепестки...» И песенка поселилась в моей душе. И надо же было такому случиться, что в первое наше знакомство мы танцевали под мелодию о лепестках белых роз...

Мы подружились, стали встречаться. Я предупредила: мной не увлекаться, — кокетливо объясняя это своей несерьёзностью, своим непостоянством. Сама же увлеклась всерьёз. И влюбилась.

Всё так же кружат стаи чаек,
Белоснежны и легки,
Как будто ветер над морем качает
Белых роз лепестки.

Однажды после долгой прогулки... Где мы только не бродили: и по километровому Коммунальному мосту на остров Отдыха, и по сосново-берёзовой роще на Сопке. Я там ещё читала тебе стихи:

Да поможет мне лес,
Там колючее солнце сквозь сосны,
Там дожди проливные застыли, дрожа на ветру,
Шелестит тишина, и печали мои взрослые
По знакомой тропе торопливо уходят на юг...

И сравнивала лес с морем, волнами, и об этом тоже читала стихи:

Море! Вот оно какое!
Как ребёнок, озорное.
Брошусь в море камнем-птицей,
Море липнет на ресницы,
Море — солью на губах,
Море — лёгкостью в волнах...

После этой прогулки, после салюта на площади в честь годовщины Победы мы, утомлённые,

топталась в танце в вашей комнатке опять под мелодию о море. Пела Лили Иванова: «О море, я прошу тебя, о грозное и ласковое море...» Тебе понравились песня и голос болгарской певицы. Мы несколько раз включали эту запись. Конечно, в комнате было много народу. Все что-то говорили, некоторые тоже танцевали. А мы никого не замечали, мы были вдвоём — ты и я.

Потом ты служил в армии, где-то в Грузии. А я после окончания техникума уехала в Ташкентскую область. И ждала твоих писем, твоего возвращения.

Сегодня яркие светят созвездья
Мне одной, мне одной,
Но где б ты ни был, я знаю: мы вместе,
Ты со мной, ты со мной.

Ты вернулся домой, в Новосибирск. Об этом мне рассказала твоя тётя Галя, с которой ты меня познакомил в письмах и велел навещать её во время наездов в Ташкент.

А чайки кружат на просторе,
Белоснежны и легки, —
Плывут, плывут между небом и морем
Белых роз лепестки.

И потом, когда мы прощались — ты специально выпросился в командировку в Ташкент, чтобы расставить все точки над «i» и попрощаться со мной, — ты ничего не объяснял, только сказал, что предоставляешь мне свободу от всех обещаний и обязательств. Почувствовав, что это конец, что это наша последняя встреча, я поставила пластинку с песней Лили Ивановой и пригласила тебя на танец.

Теперь, уже в тесной комнатке своего общезжития, я хотела быть ближе к тебе, хотела, чтобы ты вспомнил мелодию, вспомнил тот, двухгодичной давности, танец, нашу с тобой взаимную увлечённость. Но ты забыл песню о грозном и ласковом море. И она стала песней нашего расставания.

Пусть сегодня между нами
Расстоянья далеки,
Я сердцем там, где плывут над волнами
Белых роз лепестки.

У моря, у синего моря ты не был, любимый, со мною... Увы... Мы никогда не были с тобою у моря. И всё же...

Пусть сегодня между нами
Расстоянья далеки,
Мы сердцем там, где плывут над волнами
Белых роз лепестки.

О море, я прошу тебя! О грозное и ласковое море, прошу, верни ты мне любовь, верни любовь... И наши встречи...

Меняю миллион алых роз на ветку яблони

Небольшой натюрморт: ветка яблони в баночке из-под кофе.

Закончилась выставка живописных работ художников-заводчан. Авторы не спешили разбирать свои «шедевры», и я унесла эту миниатюру к себе в кабинет. Поставила на стол и любовалась ею.

Цветы яблони, нежные, свежие, напоминавшие о весне, цветущих садах, пьянящих ароматах, и стеклянная банка с надписью «Пеле» контрастировали и поселяли в душе беспричинную тревогу, щекотали нервы почему-то.

Художник отломил эту веточку от дерева, а может быть, поднял с земли уже обломанную и, принеся в дом, поставил в первую попавшуюся на глаза ёмкость — банку из-под кофе.

Заносчиво-хвастливо разглагольствовал самодельный художник о своих работах на открытии выставки и потом, бывая несколько раз у меня в кабинете.

Мне очень хотелось созерцать эту частичку весны, расцветающей природы, сулящей урожай ароматных яблок. И складывалось всё вроде бы удачно: художник, видя огромную мою фонотеку, просил подарить ему грампластинку с песней Аллы Пугачёвой «Миллион алых роз». И я полусерьёзно предложила обмен:

— Меняю «Миллион алых роз» на ветку яблони!

Но он «Миллион алых роз» забрал, а картину не отдал, не продал — поспешил.

Пожадничал художник, не уступил мне эту работу.

А грампластинку с «Миллионом алых роз» я для него не пожалела.

Розы в красном бокале

«Три розы в красном бокале». Картина Валентины Ивановны Капленко. Когда я только познакомилась с живописью этой художницы, решила, что обязательно куплю её картину — натюрморт с цветами. Букеты из полевых и садовых цветов на картинах её пышные, буйно-многоцветные, праздничные. А фоны, на которых написаны эти букеты, — яркие скатерти или шали.

И вот выставка работ В. И. Капленко в нашем Дворце культуры. И есть желающие приобрести некоторые работы. И есть возможность. И я жду закрытия выставки. И приготовила деньги для натюрморта из ярко-оранжевых жарков в светлом фарфоровом горшочке. Держу двести тридцать рублей в кармане плаща и жду окончания церемонии закрытия.

Но купить картину не удалось: художнице предложили устроить выставку где-то в Америке и издать хороший альбом. А о цветном альбоме можно было только мечтать. И Валентина

Ивановна мечтала. И, конечно, ухватила за такое перспективное предложение.

И осталась я ез «Жарков в белом кувшине».

Однако много позже в художественный салон «Гамма» Валентина Ивановна принесла «Три розы в красном бокале» — копию выставочной работы.

Знакомые сотрудницы салона радостно сообщили мне об этом:

— Мы уже и рамку для полотна заказали. Так что будет у вас картина Капленко!

Я, конечно же, обрадовалась.

И теперь у меня в зале над диваном красуются три розовые розы в бокале красного стекла.